

Ирина РЫЖЕНКОВА

Форсаж культуры в процессе реформации

Парадокс, но не так уж и далеки от истины были наши, не знавшие научной природы матушки-земли, предки, когда утверждали, что она держится на трех китах. Действительно, если воображаемую терру заменить жизнедеятельностью человека, а символических китов – ее основами, то получится искомая формула: любое общество, это главное «человекообразование», стоит на тройном фундаменте – экономике, политике, культуре. В разные времена в различных обстоятельствах их соотношение как несущих и вспомогательных для общества конструкций было различным. Этот момент адекватно отразился в социальной теории: для К. Маркса первичным являлась экономика, М. Вебера – политика, Ю. Лотмана – культура и т.д.

Наше время (конец XX-начало XXI вв.) постепенно выдвигает на передний план культуру, которая все чаще осознается как эпицентр человеческой цивилизации и нуждается в интенсивной культурной обработке реалий повседневной действительности. Теперь культура представляется не просто отдельной (дополняющей – «будет хлеб, будет и песня») сферой жизни человека, а выступает в качестве стержня его бытия и сознания в индивидуальном, групповом, общественном измерении. И этот феномен требует от науки значительной активизации изучения культурных процессов, связанных с неизбежной в современных условиях гуманитаризацией всей жизни. Как верно заметил по этому поводу К. Леви-Стросс, «21-й век будет веком гуманитарных наук – или его не будет вообще» [1].

Известно, что диалектика социальной формы движения материи в конечном счете определяется метафизикой ее результата – экономического, политического, культурного. И здесь бытийно-сознательная первичность (важность) в определяемом ранжире трех профильных слагаемых общественного развития постепенно отходит к культурному результату. Многовековой социальный опыт убедительно демонстрирует людям, что экономика вне культуры приводит к разрушительным катаклизмам, а политика вне культуры – к бесчеловечным войнам.

В сущности, и самый главный духовно-практический результат непрерывного развития человеческой цивилизации – гражданское общество, по утверждению М.С. Кагана, «есть плод совместного творчества общества и культуры, ... высшее из доселе известных истории проявление экономической культуры, политической культуры и правовой культуры» [2, с.52]. В этом случае гармонический синтез экономики, политики и права в близких к идеалу социальных параметрах бытия и сознания находит общим знаменателем культурный эквивалент.

Однако это не означает, что кумулятивное свойство

Ирина РЫЖЕНКОВА – старший преподаватель Брянского филиала Орловской академии государственной службы, аспирантка кафедры культурологии и деловых коммуникаций РАГС

(«всеполагание-всепроникание») культуры [3] нужно понимать как необходимое для социальных процессов «довложение», благодаря которому конечные их результаты приобретают цивилизационную завершенность. В принципе, в настоящее время вне учета культурной специфики общества невозможно поступательное его развитие с реализацией той или иной модели социального прогресса. И далее, вне представлений о ведущей роли культуры в общественном развитии не может быть понято содержание процесса и действие механизмов социальных отношений, которые претерпевают кардинальные изменения.

Конкретным тому подтверждением служат события, происходившие в постсоветской России. Экономические и политические реформы, которые проводились в стране в 90-е гг. по либеральным калькам, шли вразрез с духовно-нравственным состоянием общества и ценностными ориентациями большей части населения, а потому не нашли у него поддержки и были отвергнуты. В теории такое явление объясняется, по мнению О.Н. Астафьевой, «отсутствием резонанса между используемыми социальными практиками и габитусом определенного человека, для которого эти практики являются чуждыми» [4].

И в самом деле, основной причиной фатальной неудачи прежних реформаторов являлось полное игнорирование социально-культурного поля российского суперэтноса, на котором и надо было, в первую очередь, искать и находить верные посылки для инновационных подходов к организации общественной жизни в условиях трансформации социума и глобализации мирового пространства.

Вопреки прежним – экономическому и политическому – приматам, в современных условиях первотолчок общественному развитию дает культура, которая определяет и его алгоритмы. По мнению А. Турена, «в западной модели развития, прежде всего, изменяется культура: появляются новые знания и новая техника, связанные с видоизменением нравов и производительных сил. Затем появляются новые социальные действующие лица с их манерой действовать. Еще позже реорганизуется политическая система, и устанавливаются новые формы организации» [5].

При этом в современном обществе, постепенно осваивающем новые модели существования в условиях культурной экспансии, активно нарабатываются различные формы и методы трансформации в человеке «натурного» начала в «культурное», или, по мысли М.С. Кагана, превращения индивида в личность. Именно под воздействием культуры человек преодолевает в своем бытии и сознании раннестадийные качества тождественности (общинности) и сословности (иерархичности) и выходит на позднестадийный уровень гражданственности (общественности).

Успешное решение диады «натура – культура» в людях как раз и означает усвоение ими всех черт настоящего гражданина, в первую очередь, с помощью системно-непрерывной культурации цивилизованных форм общественного, группового, индивидуального бытия и сознания. Неслучайно, как утверждает Т.Г. Богатырёва, за культурными процессами и механизмами в настоящее время закрепляется «роль движителя изменений, фактически оказывающегося впереди того, что происходит в реальности, так как социальные изменения получают, в основном, культурную мотивацию» [6].

Самостийность культуры определяется не только внешней, но и внутренней ее функциональностью, непосредственно связанной с теми социальными эффектами, которые она производит в современном обществе. С позиций синергетического подхода к ее исследованию необходимо учитывать достаточно мощные, не до конца раскрытые, механизмы самоорганизации и саморегуляции в культуре как в открытой динамичной системе, обладающей способностями флуктуации и возможностями аттракции.

Эта целостная система, пожалуй, как ни какая другая в общественной жизни, обладает синергетическим сверхэффектом, который М. Пахтер и Ч. Лэндри называют способностью «оценивать значение и качество всего, что она (культура. – *И.Р.*) производит, используя имеющиеся в ее арсенале ресурсы и средства» [7]. На отдельных этапах своего развития культура как бы начинает жить собственной жизнью, опираясь на свое прошлое и реагируя на перспективу будущего, с учетом сложившейся и устоявшейся в обществе системы ценностей.

Модернизируя традиционное, современная культура, в том числе и российская, усваивает инновационное – она входит в качественно новое состояние, обретает новый облик, получает новые возможности для участия в общественной жизни, разрушая каноны и раздвигая пределы своего функционального действа. Отправляя основные функции (интеграции, аккумуляции, адаптации, регуляции), культура кристаллизует новые структуры и формы собственной жизни, становясь более «организованной» за счет форсажа заложенного в ее социальной природе гена управления, связанного с включением в процесс созидания гуманитарного потенциала общественного развития.

Этот потенциал абстрактно конденсируется и конкретно реализуется, в первую очередь, в рамках институтов культуры. Их деятельность в современных условиях также испытывает потребность в различных структурных и функциональных ноу-хау. Само понятие «институт культуры», в толковании А.Я. Флиера, имеет два смысла – непосредственный и расширительный. Первый – это некая конкретная организация (структура, учреждение), которая выполняет функцию создания, хранения или трансляции культурно значимой продукции. Второй – это стихийно сложившийся и функционирующий порядок (норма) осуществления какой-либо культурной функции, как правило, никем не регулируемой специально [8].

Держа в уме эти определения, которые фиксируют главную цель институтов культуры – «консервацию культурно-значимых регламентов, феноменов, форм культурной деятельности, их сохранение и репродуцирование» [9], следует продолжить построение дефиниции,

учитывая «надинструментальные» их способности: в частности, уникальное их свойство делать любое содержание социальной жизни культурно-формированным, а самую разную форму социальной жизни – культурно-существенной.

Гуманитарный потенциал культурных институтов обладает также «надсферным» характером: он настолько велик своей универсальной конструктивностью, что замыкать его в периметре культуры как всего лишь одной из сфер жизнедеятельности общества, финансируемой по остаточному принципу, – это все равно, что нефть («черное золото») использовать в печах в качестве топлива. Вопрос вопросов нынешнего российского бытия стоит гораздо шире, чем объем проблемного субстрата культурной сферы – как состыковать цели реформ с менталитетом суперэтноса и как увязать, по мнению И.Т. Янина, традиционные ценности с кардинальными переменами в сегодняшней жизни: «Японский и китайский примеры – яркие доказательства того, что успешная модернизация возможна лишь тогда, когда она проводится на основе национальной культуры. Речь идет о комплексном понятии, о Культуре с большой буквы – культуре экономической, духовной (религия, мировоззрение, научная мысль, искусство), нравственной (система ценностей и целей, этика), культуре общения и поведения, культуре политической, правовой, бытовой, материальной, об особенностях, наконец, национального характера» [10].

Очевидно, нужно дать институтам культуры большую свободу действий, значительно расширив формат их полномочий, – для системно-непрерывного «окультуривания» всех сфер жизнедеятельности общества, пребывающего в процессе кардинальной трансформации собственной базисно-надстроечной системы. Очень важным представляется все более активное вовлечение институтов культуры в процессы социализации личности, на всех ее этапах, с целью постепенного формирования в людях гражданской активности, компетентности и зрелости, так как, по парадигме М.С. Кагана, «гражданское общество осознавалось и реально формировалось как всестороннецелостная культурная форма общества» [2, с.60]. И вообще, когда Ф.М. Достоевский утверждал, что «красота спасет мир», он имел в виду (в том числе) высокую социальную культуру – красоту мыслей, чувств, представлений, отношений между людьми, освященных нравственной добродетелью.

В контексте расширенных полномочий института культуры в современных условиях авторское его определение формулируется как совокупность организационных структур (организаций и учреждений), обладающих устойчивым комплексом ценностей и долговременных социальных практик, занимающихся производством, хранением и распространением культурных ценностей и продуктов, а также влияющих на процессы усвоения и активного воспроизводства индивидами социокультурного опыта.

Итак, гуманитарный потенциал института культуры состоит в его способности и возможности производить и распространять в общественной среде веками накапливаемый людьми социокультурный опыт высоконравственного толка, позволяющий гомо сапиенс передавать из поколения в поколение историческую эстафету прогрессивного развития. Но раскрытие этого потенциала и его использование в практической плоскости возможно при наличии ряда условий, реально существующих или вполне достижимых в российской реальности. Речь идет прежде всего о взаимодействии институтов культуры с другими субъектами культурной политики, также играющими сегодня на российском культурном поле.

И самым главным «смежником» здесь является государство, в обязанности которого, в силу традиционного его примата в жизнедеятельности российского общества, а также незрелости сегодняшних рыночных отношений, входит непреложная забота (организационная, содержательная, кадровая, финансовая и др.) о состоянии культурной сферы бытия граждан. Причем в условиях общественной трансформации эта забота о культуре требует практического воплощения новыми методами, средствами и формами деятельности, которые позволяют, в частности, переместить акценты с директивного управления институтами культуры на поиск механизмов эффективного распределения ресурсов и партнерство с различными субъектами культурной деятельности (государством, неправительственными общественными организациями, институтами культуры, бизнес-структурами и институтами гражданского общества).

С позиций «второй (рукотворной) природы» государство должно быть сильным и компетентным, не прибегающим к излишней регуляции (воздействию) социокультурных процессов, а использующим тонкие механизмы управления (влияния), которые не столько задают алгоритмы развитию культуры, сколько создают предпосылки для ее саморазвития. В сущности, все социальное строительство в современном мире можно рассматривать как культурное производство, поскольку культура является основой любого вида деятельности, в том числе политической. Да и политика, по мнению Д.Г. Горина, это своего рода культурное производство. Суть политических программ, формы партийной деятельности, поведение избирателей во многом определяются культурными императивами. Именно культура как система глобальных и локальных ценностей окрашивает изнутри сферу политики смыслом (высоким, средним, низким) и во многом обеспечивает легитимацию власти [11].

Когда культура вступает в коммуникацию с другими сферами общественной жизни, например с политикой, нередко возникают сложные отношения, доходящие до взаимной неприязни и острых столкновений, в которых каждая сторона прибегает к своим средствам нападения и защиты. Тем не менее любая из них нуждается друг в друге, ведь ни одно общество не обходится без взаимного обеспечения этих подсистем. Так, в «противоборстве» культуры и политики последняя опирается, прежде всего, на политические акции, имеет в своем распоряжении три ветви власти, партийный и государственный аппарат,

службы безопасности, различные средства принуждения и т.д. Культура, основываясь на знаниях, нормах, ценностях, действует преимущественно через систему образования и воспитания, средства массовой информации, произведения искусства и т.д.

И такая межсферная коллизия в конце концов благополучно (на компромиссном основании) устраняется, во многом благодаря всепроникающему и облагораживающему воздействию культуры на общественную атмосферу. По словам И. Кобзона и Ю. Агешина, «полагая культуру в основание политики, государство делает политику действенной эволюционной силой, справедливой и целесообразной. Политика вне культуры имеет деструктивный характер и оказывает разрушительное воздействие на культуру. Равно и культура без конкретного сотрудничества с политикой есть изоляция и потому обречена на бессилие. В синтезе этих двух сфер – ключ к решению проблемы будущего человечества» [12].

В этом случае реализуется культурный механизм разрешения социально-политических противоречий с широким привлечением к очистительно-оздоровительной практике различных групп населения – в первую очередь на региональном и муниципальном уровнях так называемых местных сообществ. Здесь их представители – индивиды или группы людей – обретают возможность выступать не пассивными потребителями культурного продукта, а активными участниками процесса его производства. Эта смена ролей, вплоть до выхода индивида в сферу управления в качестве непосредственного его актора, очень важна с точки зрения социального эффекта: именно в культурном ядре личности находится главный источник гражданской активности и зрелости человека, так необходимых в период коренной трансформации российского общества.

Литература

1. *Леви-Стросс* К. Путь масок. М., 2000. С.157.
2. *Каган М.С.* Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 6.
3. *Киричёк П.Н.* Информационная культура общества. М., 2009. С.182.
4. *Астафьева О.Н.* О типологии «социокультурных практик» в постнеклассической науке / Постнеклассические практики: определение предметных областей: Материалы междунар. междисциплинар. семинара. М., 2008. С.148.
5. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1988. С.198.
6. *Богатырева Т.Г.* Современная культура и общественное развитие. М., 2001. С.6.
7. *Пахтер М., Лэндри Ч.* Культура на перепутье. Культура и культурные институты в XXI веке. М., 2003. С.45.
8. *Флиер А.Я.* Культурология для культурологов. М., 2000. С.219.
9. Культурология / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. М., 2008. С.118.
10. *Янин И.Т.* Культура против кризиса, или Искусство жить в России. Калининград, 1999. С.178.
11. *Горин Д.Г.* Трансформация российского общества: Циклично-волновые модели. Брянск, 2006. С.52.
12. *Агешин Ю., Кобзон И.* К культуре власти через власть культуры // Литературная газета. 2006. 28 июня – 4 июля.

Культурный императив. Что читать

Киричёк П.Н. Информационная культура общества: монография / П.Н. Киричёк. - М.: Изд-во РАГС, 2009. - 208 с.	Рассматриваются различные аспекты диалектического синтеза духовной культуры и массовой информации в современных условиях, определяется генезис феномена информационной культуры. Анализируются сущность и свойства информационных процессов, происходящих в трансформирующемся обществе, выделяются культурно-аттрактивные свойства средств массовой коммуникации и информации. Формулируются идеологические и технологические концепты информационной политики как механизма социального (государственного) управления в различных коммуникативных конфигурациях, характеризуется роль медиа-коммуникативных технологий в формировании массового сознания. Медиакультура представляется важным основанием эффективности государственной службы. Для интересующихся вопросами культурологии, информациологии, социологии, политологии, журналистики.
Лыткина Л.Г., Орлов В.Б. Инновационный подход к развитию литературно-художественной отрасли Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в условиях рыночных отношений. Ханты-Мансийск: ОАО «Информационно-издательский центр», 2009. 120 с.	В книге представлены результаты исследования (1999-2008 гг.) состояния литературно-художественной отрасли в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Отражено авторское видение путей развития важной для государства, гражданского общества и личности сферы деятельности. В работе изложены концептуальные и технологические аспекты управления развитием художественной литературы на региональном уровне в условиях рыночных отношений. Работа адресована правительству Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, специалистам в области экономики и управления народным хозяйством (экономика и управление предприятиями, отраслями, комплексами – сфера услуг), теории, методики и организации социально-культурной деятельности, социологии управления, а также отечественным литераторам и читателям, интересующимся данной проблематикой.